

Левакин Александр Сергеевич, Будко Алексей Алексеевич

"КУЛАКИ" И "ПРОЛЕТАРИИ" В КОЛХОЗАХ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ 1920-Х - НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В статье анализируются особенности социального состава коллективных хозяйств Юга России в 1930-х гг. и их административно-управленческого аппарата. Установлена степень влияния классовой политики Коммунистической партии на формирование управленческого аппарата коллективных хозяйств, выявлены соотношение и удельный вес в данном аппарате представителей различных социальных групп, освещено участие рабочих в "колхозном строительстве". Особое внимание уделено анализу того положения, которое в колхозах занимали "кулаки".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/9/26.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (99). С. 96-98. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

METHODS OF MASTERING THE GRAPHICAL PACKAGE “SOLIDWORKS” WHILE MODELING ASSEMBLY UNIT AND MAKING GENERAL DRAWING

Kuropatkina Ol'ga Vasil'evna

Mineev Aleksei Borisovich

Bauman Moscow State Technical University
Olgha_Kuropatkina@mail.ru; mineev30@yandex.ru

The article suggests methods for mastering the graphical package “SolidWorks” by the students of engineering higher education establishments on the basis of modeling an assembly unit followed by making a general drawing in accordance with the standards of the Unified System for Design Documentation. The stages of mastering the graphical package “SolidWorks” are considered. The ways for modeling the parts of an assembly unit and making a general drawing are described.

Key words and phrases: systems of computer-aided design; “SolidWorks”; electronic-graphical model; modeling; assembly unit; part; assembly unit drawing.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье анализируются особенности социального состава коллективных хозяйств Юга России в 1930-х гг. и их административно-управленческого аппарата. Установлена степень влияния классовой политики Коммунистической партии на формирование управленческого аппарата коллективных хозяйств, выявлены соотношение и удельный вес в данном аппарате представителей различных социальных групп, освещено участие рабочих в «колхозном строительстве». Особое внимание уделено анализу того положения, которое в колхозах занимали «кулаки».

Ключевые слова и фразы: деревня; крестьянство; колхоз; «кулак»; «пролетарий».

Левакин Александр Сергеевич, к.и.н.

Будко Алексей Алексеевич

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
Levakin@rambler.ru; oslobes@rambler.ru

«КУЛАКИ» И «ПРОЛЕТАРИИ» В КОЛХОЗАХ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. ©

Отметим, что основой большевистской социальной политики были классовые принципы, согласно которым карьера и жизнь гражданина в СССР зависели от того, какие позиции он занимал в социально-классовой структуре досоветского общества. Так, априори считалось, что врагами советской власти становились представители имущих, высших классов, и они объявлялись «социально чуждыми» и отторгались большевиками, вплоть до заключения в лагеря или физического уничтожения.

Напротив, представители низов общества рассматривались как надежные сторонники большевистской партии и опора созданного ею государственно-политического устройства. В Советской России таковыми были признаны, прежде всего, представители городского пролетариата (рабочего класса), которые отмечались и становились социальной базой большевистского режима, ведущей социальной силой общества, «классом-гегемоном».

Далее, после городского пролетариата шли представители батрачества (сельского пролетариата) и беднейших слоев крестьянства. Как отмечали теоретики большевизма, «батрак – деревенский пролетарий – это бесспорный наш политический и экономический актив в деревне» [6, с. III]. Так, данную позицию четко обозначил В. И. Ленин: «мы партия наемных рабочих и беднейших крестьян; их интересы мы желаем охранять» [4, с. 175]. По отношению к середнякам большевики проявляли гораздо большую сдержанность, поскольку, как указывал Ленин, это – «...такой класс, который колеблется. Он – отчасти собственник, отчасти труженик» [3, с. 196]. Наконец, по отношению к кулакам большевики были настроены непримиримо и намеревались устранить их из сельского сообщества. И. В. Сталин, выступая на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), обобщил взгляды большевиков на крестьянство, придав им характер неоспоримой формулы: «беднота как **опора** (здесь и далее выделено в источнике – авт.) рабочего класса, середняк как **союзник** и кулак как **классовый враг**, – таково наше отношение к этим социальным группировкам» [8, с. 39].

Рабочие и беднейшие слои деревни, соответственно своему социальному статусу, имели ряд привилегий и обязанностей. Им предоставлялись льготы при налогообложении, определенные преимущества в ходе материального снабжения или нормированного распределения и пр. Взамен они привлекались к реализации тех

или иных мероприятий, инициированных компартией и советским государством. Помимо прочего, именно представители социальной базы режима большевиков пополняли штат колхозных чиновников и управленцев.

В ходе «колхозного строительства» в достаточно полной мере проявились большевистские классовые подходы. Пролетариат не мог остаться в стороне от участия в «социалистическом переустройстве» сельского быта и аграрного производства. Так, по мере развертывания «колхозного строительства», в деревню направлялось достаточно большое количество рабочих бригад, представители которых проводили агитационную работу за вступление в коллективные хозяйства, участвовали в различных хозяйственно-политических мероприятиях и пр.

С началом сплошной коллективизации в Северо-Кавказском крае удельный вес среди населения представителей рабочего класса был невысок. Так, в конце 1920-х гг. в крае на 100 крестьян приходилось всего лишь 1,2 пролетария. Да и эта немногочисленная группа была представлена не рабочими крупных фабрик и заводов, относящихся к сфере металлургии, машиностроения и т.п., а работниками мелких, средних и кустарных предприятий пищевой, легкой и перерабатывающей промышленности, социальная ценность которых для большевиков была намного ниже [5, с. 61]. Так что качественные характеристики южнороссийской корпорации рабочих еще более снижали ее и без того невысокие количественные параметры.

Формирование корпорации колхозных управленцев в конце 1920-х – начале 1930-х гг. также проходило в определенной мере за счет рабочих. Согласно материалам сплошного обследования колхозов Северо-Кавказского края, проведенного в первой половине 1930 г., рабочие составляли 0,8% от общей численности колхозников, зато их удельный вес в составе членов колхозных правлений достигал 8,7% [2, д. 79, л. 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 21, 25, 27, 28, 30, 31, 33].

Не обращая внимания на «слабость пролетарской базы», руководители Северо-Кавказского края в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сумели расширить участие рабочих в «колхозном строительстве». Так, только осенью 1929 г. из Ростова-на-Дону в деревню выехало 149 бригад (688 человек, преимущественно рабочих), а из окружных центров – 215 бригад (638 чел.). В целом же осенью 1929 г. в сельских местностях Северо-Кавказского края в хлебозаготовках и коллективизации принимало участие не менее 2,5 тыс. рабочих, получается, что это в два раза больше, чем весной 1929 г. [5, с. 183-184].

Что касается собственно сельского населения, то, согласно тому же сплошному обследованию колхозов, в 10 русских округах Северо-Кавказского края насчитывалось свыше 1 786,5 тыс. колхозников. Среди них батраки составляли 8,1% (чуть более 145 тыс. человек), бедняки – 38,6% (более 689,7 тыс. человек), середняки – 49,6% (около 886,5 тыс. человек), наконец, «прочие» – 1,1% (18,9 тыс. человек) [2, д. 79, л. 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 25, 28, 31].

Таким образом, социальное большинство в колхозах составляли середняки, что вполне коррелировало с социальными реалиями советской доколхозной деревни, в которой наблюдался процесс «осередничивания», то есть заметного увеличения численности середняцкой группы. В целом по СССР, в 1927 г. батраки составляли 11,3% сельского населения, бедняки – 22,1%, середняки – 62,7%, кулачество – 3,9% [7, с. 148]. На втором месте по численности в колхозах находились бедняки, за ними следовали батраки, что опять-таки соответствовало особенностям социального деления доколхозной деревни.

Констатируем, что в ходе коллективизации произошла ликвидация такой социальной группы как кулачество. Было запрещено принимать в колхозы представителей данной группы. Тем не менее, если верить работникам Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в колхозах края в 1929 г. было 2% кулаков [9, д. 945, л. 41]. Здесь необходимо отметить, что это – достаточно общие данные, без указаний на то, сколько и каких «кулаков» находилось в колхозной иерархии. Так, различная информация по данному вопросу содержится в документах 1930-х гг. Полагаясь на отчеты политотделов МТС Северо-Кавказского края за 1933 г., можно подсчитать, что в этом году по обвинению в «классовой чуждости» было «вычищено» из рядов только колхозной администрации 11-20% ее членов (по разным категориям управленцев).

Анализ источников позволяет уверенно говорить о том, что «кулаки», вообще, были относительно широко представлены в управленческом колхозном аппарате. В 1932 г. советские авторы утверждали, что «кулацкие элементы стараются захватить в свои руки руководство колхозом. Важным звеном в колхозе, за которое они ухватываются, является учет как общехозяйственный, так и учет труда... Наряду со стремлением захватить учетный аппарат в колхозе, кулацкие элементы стремятся так же сесть на трактор, завладеть какой-либо отраслью хозяйства, складом и быть бригадиром» [1, с. 19]. «Кулаки» в большинстве своем становились завхозами, учетчиками, бухгалтерами, занимали другие посты, где требовались специальные знания; на втором месте находилась должность бригадира как одна из самых массовых, затем шли относительно немногочисленные должности членов правлений и председателей колхозов.

Если значительный удельный вес представителей пролетариата в составе колхозной администрации вполне объясним классовыми принципами большевиков, то вовлеченность «кулаков» в управленческую среду коллективизированной деревни выглядит совершенно нелогично. Как такое могло произойти в условиях, когда законодатель категорично запрещал принимать «кулаков» в колхозы, а наличие их в составе административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств приравнивалось к преступлению? На наш взгляд, здесь действовал ряд факторов.

Прежде всего, «кулаки» успешно заполняли административные должности в силу своей более высокой, чем у массы крестьян, грамотности, а также специальных знаний; в этом случае, вовлечение их в сферу

управления в колхозах было своего рода вынужденной мерой со стороны односельчан и даже партийно-советских структур. Например, представители кулачества нередко становились бухгалтерами, счетоводами, учетчиками, потому что, кроме них, обладавших соответствующими навыками и знаниями кандидатов на эти должности в деревне было очень и очень немного. При успешном стечении обстоятельств, отдельные «кулаки» становились членами правления и даже председателями колхозов.

Далее, «кулаки» всегда отличались повышенной социальной активностью и, столкнувшись с резким изменением условий жизнедеятельности, стали яростно приспосабливаться к новым порядкам в стране. Немало «кулаков» просто бежали из деревни, попытавшись (и, зачастую, довольно успешно) устроиться в городе или на производстве. Оставшиеся в родных краях и сумевшие избежать репрессий представители кулачества всеми правдами и неправдами пытались попасть в колхозы, заняв там наилучшие места. Советская печать 1930-х гг. постоянно обвиняла «кулаков» в использовании отмеченной стратегии, и эти обвинения были небеспочвенны.

Наконец, подчеркнем, что нередко значительное представительство «кулаков» в колхозной администрации не столько отражало социальную действительность того или иного колхоза, сколько являлось фактом пропаганды или избранием сотрудников карательных органов. Проще говоря, многие колхозные управленцы не являлись «кулаками» по своему происхождению, а объявлялись таковыми. Дело в том, что в первой половине 1930-х гг. в СССР было принято все и всяческие недостатки колхозной системы и провалы в ее функционировании объяснять не врожденной слабостью данной системы, созданной в кратчайшие сроки практически с нуля, сколько повсеместным и перманентным вредительством различных «врагов народа» из числа все тех же «кулаков», бывших царских чиновников, офицеров, священнослужителей и т.д. Сотрудники ОГПУ-НКВД, действуя в рамках теории «кулацкого вредительства», с легкостью объявляли «кулаками» тех или иных провинившихся колхозных управленцев, даже если таковые имели вполне достойное в условиях советской действительности происхождение из числа середняков или бедноты. С учетом данного обстоятельства крайне сложно сказать, сколько в действительности было «настоящих кулаков» среди колхозных управленцев. Мы можем лишь утверждать, что они были и составляли значительную группу в администрации коллективных хозяйств.

Констатируем, что коллективизация проводилась с опорой на классовые принципы компартии, когда социальной опорой колхозов считались представители рабочего класса, беднота, середняки. Выходцы из кулацко-зажиточной верхушки деревни в колхозы не допускались и подвергались репрессиям. Все же, по ряду причин, «кулакам» удалось занять позиции в колхозной администрации, в связи с чем, сталинский режим приступил к систематическим «чисткам» коллективных хозяйств.

Список литературы

1. Акулик, Воротницкий, Липман. Борьба за социалистическое перевоспитание колхозника // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-98. Оп. 2.
3. Ленин В. И. Доклад о работе в деревне. 23 марта 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1974. Т. 38.
4. Ленин В. И. Речь по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов. 22 мая (4 июня) 1917 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1974. Т. 32.
5. Осолков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1973.
6. Северо-Кавказский край. 1925. № 3.
7. Советское крестьянство. М., 1970.
8. Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М., 1953. Т. 12.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1.

“KULAKS” AND “PROLETARIANS” IN COLLECTIVE FARMS OF THE SOUTH OF RUSSIA AT THE END OF THE 1920S – THE BEGINNING OF THE 1930S

Levakin Aleksandr Sergeevich, Ph. D. in History
Budko Aleksei Alekseevich
Platov South-Russian State Polytechnic University
Levakin@rambler.ru; oslobes@rambler.ru

The article analyzes the peculiarities of the social composition of the collective farms of the South of Russia in the 1930s and their administrative-managerial machinery. The degree of the impact of the class policy of the Communist Party on the formation of the managerial machinery of collective farms is specified, the correlation and specific weight of the representatives of various social groups in this machinery are revealed, and the participation of workers in “collective farm building” is illustrated. Special attention is paid to the analysis of the position, which “kulaks” took at collective farms.

Key words and phrases: village; peasantry; collective farm; “kulak”; “proletarian”.